

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

УДК 001:378.4

ББК 87:74.48

С. В. Пирожкова

ФИЛОСОФИЯ В СТРУКТУРЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ЗНАНИЯ: КУЛЬТУРНАЯ МИССИЯ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД

В статье рассматривается история формирования в России университетской философии как особого типа философии и дается характеристика условий, в которых она существует в первые десятилетия XXI века. Показано, что университетская философская традиция в России лишь в сравнительно небольшой период времени имела возможность свободно, а значит, продуктивно развиваться, поскольку с конца XVIII века постоянно оказывалась в довольно неблагоприятных условиях, обусловленных последовательно: недоверием со стороны консервативно настроенной элиты, неприятием со стороны эмансипирующихся эмпирических наук, охранительной идеологией и жестким контролем со стороны властей, превращением в инструмент формирования идеологически правильного мировоззрения граждан. Обосновано, что сегодня университетская философия сталкивается с двойным вызовом: с одной стороны, остается незавершенным поиск отечественной философской традицией своего лица, продолжается осмысление как мировых, так и предложенных в дореволюционный и советский периоды программ развития философии, с другой — современное образование поднимает вопрос о том, какой должна и может быть философия как университетская дисциплина. Через сравнение гумбольдтовского проекта и принципов функционирования университета сегодня автором предлагается понимание того, какие задачи может решать философия как составляющая системы университетского знания.

Ключевые слова: философия, университет, дисциплина, образование, наука, академия наук.

S. V. Pirozhkova

PHILOSOPHY IN THE STRUCTURE OF UNIVERSITY KNOWLEDGE: CULTURAL MISSION AND COMPETENCE-BASED APPROACH

The article examines the history of university philosophy in Russia as special type of philosophical thought and describes the conditions in which Russian university philosophy exists in the first decades of the XXI century. It is shown that the university philosophy in Russia only in a relatively short period of time had the opportunity to develop freely, and therefore productively, because since the end of the XVIII century it always been in rather adverse conditions, due to: distrust of the conservative elite, rejection by emancipated empirical sciences, the conservative ideology and strict control from the authorities, becoming a tool for the formation of ideologically correct world-view. It is proved that today university philosophy faces a

© Пирожкова С. В., 2020

Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента РФ для молодых российских ученых — кандидатов наук (проект № МК-2230.2020.6 «Предмет, функции и задачи философии в современном контексте развития российской науки»).

double challenge: on the one hand, Russian philosophy is still searching for its own face, the comprehension of both world and pre-revolutionary and Soviet programs for the development of philosophy continues, on the other hand, modern education raises the question of what philosophy should and can be as a university discipline. By comparing the Humboldt's project and the principles of functioning of university today, the author offers an understanding of what problems philosophy can solve as a component of the system of university knowledge.

Key words: philosophy, university, discipline, education, science, Academy of Sciences.

DOI: 10.46726/NOOS.2020.4.94-103

Ссылка для цитирования: Пирожкова С. В. Философия в структуре университетского знания: культурная миссия и компетентностный подход // Ноосферные исследования. 2020. Вып. 4. С. 94—103.

Citation Link: Pirozhkova, S. V. (2020) *Filosofiya v strukture universitetskogo znaniya: kul'turnaya missiya i kompetentnostnyy podkhod* [Philosophy in the structure of university knowledge: cultural mission and competence-based approach] *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 4, pp. 94—103.

В конце октября 2020 года в Институте философии РАН (разумеется, в онлайн-формате) состоялось выступление российского философа и профессора В. Н. Поруса, посвященное тому, что он определил как кризис профессиональной философии в современной России. Беспокойство Владимира Натановича обуславливается наблюдаемой в последние годы тенденцией на сокращение преподавания философии в отечественных вузах — урезание часов и курсов, закрытие кафедр и подразделений, сокращение профессорско-преподавательского состава. Ситуация создает впечатление невостребованности философии в структуре современного университетского знания. По мнению Владимира Натановича, это грозит кризисом профессиональной философии в целом, поскольку эта наука существует до тех пор, пока в ней испытывают потребность не только профессиональные философы, но и представители иных специальностей, пока она преподается не только будущим философам, но и обучающимся по другим направлениям подготовки.

Данная проблема поднимается не впервые. В 2014 году аналитический обзор истории философии как университетской дисциплины был проведен А. М. Руткевичем [1], который обозначил контекст для обсуждения перспектив философии, поставив их в зависимость от трансформации самого университета, его целей и функций. При этом А. М. Руткевич выбрал максимально широкие временные и культурно-исторические рамки, фактически анализируя образовательную традицию, начиная с древневосточных обществ. Моя цель более скромная — рассмотреть отечественную традицию университетской философии, дать краткую характеристику ее состояния и зафиксировать вероятные сценарии развития. Поэтому меня будет интересовать прежде всего трансформация российского университета как научного и образовательного института и философии как университетской дисциплины.

К вопросу об истории университетской философии в России. Университеты как культурный и научно-образовательный феномен возникают в Европе в XII—XIII вв., и философия сразу же становится важнейшим компонентом образовательной структуры. Имя «философ» фактически носили все обучавшиеся на факультете свободных искусств — своего рода пропедевтическом, поскольку

только после его окончания студенты могли продолжить обучение на трех высших факультетах — медицинском, юридическом и теологическом. За несколько столетий факультет свободных искусств превращается в собственно философский и на нем преподают уже не классические квадриум и тривиум, а огромный массив знаний, впоследствии дифференцировавшихся на различные естественные, общественные и гуманитарные дисциплины. Таким образом, не только в античности, но и в Новое время философия еще не мыслится как отдельная дисциплина, а охватывает все научное знание, выступая синонимом науки как таковой. Именно в таком виде философия как специальным образом методологически организованная познавательная деятельность пришла в Россию, получив в 1724 году институционализацию в форме Петербургской академии наук и созданного в ее рамках Петербургского академического университета.

Исследователь отечественной философии В. Ф. Пустарнаков полагает, что именно в академическом университете «начала складываться... университетская философия как специфический феномен..., как относительно самостоятельное направление мысли..., как предмет преподавания и как сфера философской теории» [2, с. 74]. Выделение университетской философии в особый вид философии связан с тем, что должность преподавателя в университете позволяла заниматься философией профессионально, т. е. систематически и в рамках научной институционализации, позволяющей контролировать качество философской деятельности. Другие формы институционализации философии — в рамках духовных академий и «вольной» философии, развивавшейся сначала отдельными «дворянами-философами» [3], а затем в интеллектуальных кружках, в принципе не гарантировали системности и качества философских изысканий как научной деятельности. Преподавание философии в духовных академиях было подчинено религиозным задачам, а «вольная» философия при том, что в XIX веке она стала основной формой развития философии в России, была преимущественно ориентирована на отдельные области философского поиска. Необходимость преподавания философии как университетской дисциплины требовало развивать все направления — от метафизики до практической философии, и таким образом философия воспроизводилась и эволюционировала как целостная система философских знаний.

Специфической чертой отечественной философии является то, что судьба университетской профессиональной философии складывалась трудно, если не сказать драматично, и это предопределило ее отставание в развитии по сравнению как с европейской философией, так и с другими научными дисциплинами. Петербургский академический университет на первом этапе существовал скорее номинально, чем реально, а после своего институционального обособления от академии лишь пару десятилетий активно функционировал, а затем постепенно зачах. Поэтому, например, А. И. Введенский отсчитывает историю философии в России с 1755 года — года открытия Московского университета [4, с. 5]. В. Ф. Пустарнаков также отмечает, что именно здесь «университетская философия... окончательно оформилась как разновидность светской философии европейского типа» [2, с. 79]. Однако в Московском университете философия столкнулась с другими проблемами. Уже в XVIII веке развернулась «борьба вокруг статуса философии» — как научного, так и социокультурного. Во-первых, наука и философия в их тогда нерасчлененном единстве, как и другие культурные новации Петра I, воспринимались консервативным русским обществом неодно-

значно. Консервативными — а они были чрезвычайно влиятельны — кругами философия оценивалась как потенциально опасная для религиозного и в целом традиционалистского мировоззрения, развращающая и уводящая с правильного пути, поскольку вела к формированию критического мышления, которое в любой момент могло быть направлено на идейные основания российского общества. Во-вторых, «сопротивление... оказывалось со стороны... и университетской среды. Это было одной из форм борьбы адептов конкретных эмпирических дисциплин с философией как предельно абстрактной наукой, которая выглядела в глазах эмпириков безжизненной схоластикой» [2, с. 79]. Так начинались, с одной стороны, дифференциация знания, с другой — кризис традиционной метафизики — процессы, в полную силу развернувшиеся уже в следующем веке.

Если в конце XVIII столетия философия столкнулось с оппозицией в лице религиозной и формирующейся специально-научной мысли, то XIX век прошел под переменчивой звездой властной идеологии. Опять же В. Ф. Пустарнаков отмечает, что «в начале XIX века появилось важное новшество в отношении к философии правительственных верхов: с созданием министерства народного просвещения стала вырабатываться официальная государственная политика в области философии» [2, с. 105]. «Дней Александровых прекрасное начало» способствовало подъему университетской философии. Во-первых, были учреждены новые университеты и гимназии, а также учебные заведения, обеспечивающие близкий к университетскому уровень подготовки, в том числе важнейшие региональные образовательные центры — Казанский и Харьковский университеты, Ришельевский лицей, Демидовское училище и др. Во-вторых, «“либерализация сверху” затронула и сферу философии» [2, с. 105]. В-третьих, возрос социальный статус философии, поскольку ее предписывалось преподавать в университетах студентам, специализировавшимся в нефилософских областях, обязательные курсы были введены в гимназиях. Однако уже с конца 1810-х гг. появляются первые признаки реакционного отката, закрепленного объединением в 1817 г. Министерства народного просвещения с Главными управлениями духовных дел православного и иностранных исповеданий. Учреждение Министерства духовных дел и народного просвещения «означало победу консервативных политических и клерикальных сил. Ускорилось оформление официальной государственной идеологии, вылившейся впоследствии в уваровскую формулу “православия, самодержавия, народности”». Одним из следствий стал упадок университетского образования, философского особенно. На содержании философского образования стали сказываться усилившаяся клерикализация всей системы народного образования» [2, с. 108], усиление цензуры, прямые инструкции, ограничивающие чтение лекций по некоторым направлениям и отдельными профессорами. Настоящий апофеоз реакционизма настал после Французской революции 1848 года, когда на десятилетие философия вообще была запрещена к преподаванию в университетских стенах, а единственные дисциплины философского корпуса — логика и психология, которые остались в учебных планах, были вверены выпускникам духовных академий, т. е. богословам.

В результате к эпохе реформ и очередной либерализации образования философия оказалась в разоренном состоянии: пришлось заново не только отстраивать систему преподавания, но и формировать кадровый состав. Поэтому А. И. Введенский объявляет о начале после 1963 года периода «вторичного развития» [4, с. 35], итогом которого стал расцвет университетской философии в

конце XIX — начале XX века. Этот подъем был настолько значимым, что продолжал обеспечивать высокий уровень философии в 1920 — начале 1930-х годов в СССР. Период репрессий и тот факт, что на философию была возложена идеологическая функция, привели к тому, что возрождение философской мысли именно как идеологически неангажированного научного исследования происходило после десталинизации локально. Университетской философии, непосредственно связанной с образованием и формированием «правильного» мировоззрения у советских граждан, было наиболее трудно проявлять свободу научного поиска. Яркий пример — судьба Э. В. Ильенкова, изгнанного из Московского университета, но получившего возможность продолжать философскую работу в Институте философии АН СССР [5]. Наибольшую же консервативность демонстрировали в этой ситуации региональные университеты.

После крушения советского политического строя отечественная философия оказалась перед необходимостью заново выстраивать собственную самоидентификацию. Так начался период исканий, простиравшихся между русской религиозной философией и разнообразными направлениями зарубежной философии — от аналитической традиции до постмодернизма. Нельзя сказать, что эти искания в полной мере завершились к моменту, когда в России начались глубокие преобразования системы высшего образования, вследствие чего отечественная философия оказалась перед двойной неопределенностью собственного будущего.

Философия в стенах современного университета. Философии вообще трудно найти место в сформировавшейся в послевоенном мире системе высшего образования. Проблема заключается в том, что проект развития университета, известный как Гумбольдтовский университет и разрабатывавшийся в ответ на упадок той традиции, которая вела свою историю с XII века, был ориентирован на воспитание прежде всего будущих ученых. Этот проект был детищем не только В. фон Гумбольдта, но целой плеяды выдающихся мыслителей, среди которых, в частности, И. Г. Фихте и Ф. Шлейермахер. В таком контексте намечались и функции философии как университетской дисциплины. Так, Ф. Шлейермахер полагал, что место философии — именно в университете, а не в академии, т. е. философия является пропедевтической дисциплиной, в которой уже невозможен какой-то существенный рост знания (потому что философия достигла совершенства). Миссией же философии в университете немецкий мыслитель полагал воспроизводство «научного духа» — «систематически-философского» типа мышления, без которого «не существует и порождающей науку способности» [6, с. 77]. Шлейермахер полагал, что «философский тип мышления... присутствует во всяком научном произведении» [там же], а значит, выступает основанием, как бы мы сегодня сказали, междисциплинарной коммуникации. Более того, философия обеспечивает единство всему зданию науки, связывая различные предметные знания и специализированные практики их порождения. Поэтому «в университете изучение философии есть основание всей его деятельности» [6, с. 79].

Сегодня университет выступает общностью не наук и ученых, а очень разных специальностей, многие из которых никак не связаны ни с фундаментальной наукой, ни даже с развитой интеллектуальной традицией. Как пишет, А. М. Руткевич, «Гумбольдтовский университет умер... Его смысла... волна демократизации», заменив вузами, «в которых учатся миллионы людей, желающих максимально быстро получить диплом и занять свое место в какой-нибудь фир-

ме и получать зарплату за более или менее квалифицированный труд» [1, с. 51]. При этом будущее философии Руткевич по-прежнему связывает с наукой: наследие Гумбольдтовского университета, заключает он, «легко отыскать в тех вузах, которые заняты фундаментальной наукой, в которых над бакалавриатом надстраиваются магистратуры и докторантуры. «Настоящей наукой, — заключает он, — и ранее, и сегодня занимается сравнительно небольшое число людей. И космологу, и историку, если они являются настоящими исследователями и задумываются об основаниях собственных наук, “метафизика” по-прежнему нужна. Как и в прежние времена, философия интересует немногих» [1, с. 51].

Действительно, зачем будущему менеджеру, специалисту в области пиара или программисту философские знания? Нужно ли профессиональному философу искать положительный ответ или нужно довольствоваться ролью научной дисциплины? А это роль велика, причем не только тем, что философия способна обеспечивать единство знания, как полагал Шлейермахер. Наука продолжает развиваться, причем не просто кумулятивно, но проходя через революционные трансформации, а значит, анализ ее оснований, оснований различных дисциплин, о котором говорит А.М. Руткевич, необходим не как интеллектуальное дополнение к научной работе, а как ее условие. Помимо этого, философия занимается анализом системных проблем общественной жизни и индивидуального человеческого бытия, проектированием возможных решений. Все это требует подготовки определенного числа специалистов, а также включения в дисциплины основного цикла для ученых разных направлений подготовки. Но можно ли ограничить этими рамками культурную миссию университетской философии?

Философы в своем большинстве полагают, что философия нужна значительно большему числу людей, не только ученым. Зачастую речь идет, впрочем, о востребованности не университетской философии, а иных ее форм — популярной философии, философской публицистики, философии, растворенной в искусстве, и т. д. Другими словами, философия отвечает некоему запросу на осмысление окружающей реальности, прояснение общих вопросов человеческого бытия. Задача университетской философии — не решение подобных проблем, но научение. Ученого философия учит тому, как работать с наиболее общими проблемами, возникающими в его предметной области и выходящими за рамки тех, которые возможно решить методами его науки. Она же учит его рефлексировать над основаниями своей дисциплинарной деятельности и быть готовым к их критике и трансформации — разработке новых методов и подходов, конструированию принципиально новых идеальных объектов и теорий. Таким образом, реализуя охарактеризованную выше культурную миссию, философия формирует у ученого-нефилософа особый набор когнитивных компетенций, необходимых в его профессиональной деятельности. Существует ли аналогичный набор компетенций, который способен приобрести студент, будущее которого никак не связано с наукой? По всей видимости — да, и отсюда проистекает интуиция, согласно которой философия — это не просто научная дисциплина, но дисциплина, «отличная одновременно от религии и науки» [7, с. 97].

Если философия как дисциплина отлична от науки, то это можно понимать в том же смысле, в каком допустимо говорить о менеджменте как об университетской дисциплине, но не как о науке. Как менеджмент формирует управленческие компетенции, которые требуются и многим современным ученым [8], и представителям иных специальностей, так философия формирует «спекуля-

тивные» компетенции — навыки обсуждения отвлеченных вопросов. Отсюда также следует, что профессиональная философия — это не обязательно научная философия, можно заниматься философией профессионально, понимая ее как разновидность искусства или интеллектуального активизма, к чему близки Р. Рорти и его последователи [9]. Это не означает, что профессиональный философ низводится до уровня профессионального болтуна. Скорее поиски рортианцев свидетельствуют о поиске философами среднего пути между «узостью специалистов» и «болтовней интеллектуалов» [1, с. 49]. К этому среднему пути должна относиться и выработка у образованного человека таких компетенций, как критическое мышление, построение строгих рассуждений, систематизация и обобщение информации, а значит, грамотная работа с предельно общими вопросами (что такое неграмотная, мы все хорошо знаем из работ доморощенных философов, с ходу предлагающих теории всего). Философия, одной из отличительных черт которой называют умение работать с целостностями, формирует у обучающегося системное мышление, которое необходимо сегодня практически повсеместно. Окружающая среда становится все более сложной, в такой среде одно явление оказывается взаимосвязанным с огромным числом других, и локальное решение способно запустить цепочку неотвратимых последствий. Помимо системного мышления, интуиция целостности важна и в социальной и межкультурной коммуникации. «Систематически-философское» мышление, о котором писал Шлейермахер, требуется не только ученым, но и представителям разных культур, этносов, социальных групп. Философия учит видеть общее и всеобщее, вместе с тем не унижая достоинства индивидуального и особенного. Поэтому сегодня культурную миссию философии можно охарактеризовать как воспитание членов общества, способных видеть системные проблемы и решать их, находя общий язык друг с другом и оставаясь при этом индивидуальностями.

Эта культурная миссия никак не противоречит компетентностному подходу к университетскому образованию. Как известно, на первом этапе компетентностная образовательная парадигма развивалась в духе бихевиоризма, однако хватило десятилетия, чтобы осознать, что круг необходимых для специалиста компетенций не может ограничиваться узким набором навыков [10, с. 267]. Наоборот, образование, ориентированное на усвоение обучающимся необходимых компетенций и формирование у него соответствующей компетентности, выступает альтернативой ЗУН-образованию (ЗУН — знания, умения, навыки). Это означает отход от методик простой передачи знаний, зубрежки фактов и немотивированного заучивания каких-то навыков. Для философии критически важно, чтобы дисциплина не читалась как история философских учений, но преподносилась как инструмент решения актуальных проблем. Знакомство с классиками философской мысли должно подкрепляться иллюстрацией не просто их влияния на последующую социальную и научную мысль, но их «присутствием» в ткани современности. Поэтому для университетского преподавателя важно не только владеть дисциплиной как устоявшимся корпусом знаний, но и ориентироваться в исследованиях переднего края [11], а из числа этих исследований указывать на те, которые теснее всего связаны с будущей специальностью обучающегося. Отсюда не следует прикладнизации философии, поскольку от преподавателя требуется не уходить в более конкретную проблематику, а показывать, как переходить от общих проблем к частным и обратно, и что дает подобное движение мысли.

В последние годы российские вузы претерпевают трансформацию в ускоренном режиме, на глазах одного поколения изменились цели образовательного процесса, его структура, принципы организации материала. Как кажется, философии необходимо более активно заявлять о себе в рамках реформенного процесса, а чтобы это было возможным, нужно прежде всего осознать себя, свои возможности и слабые места в новых реалиях. Несмотря на наличие рефлексии перемен внутри философского сообщества, она явно недостаточна.

Безусловно, эта претензия может быть скорректирована с учетом того, что управление наукой и высшим образованием реализуется в России иерархически, спускаясь в виде законопроектов и нормативов из правительства и профильного министерства в научные учреждения и вузы. В этих условиях объяснимо большее внимание философского сообщества к просветительской деятельности и осмыслению своего места в публичном пространстве. Очень симптоматичным здесь является высказывание Р. Г. Апресяна в ответ на выступление В. А. Подороги: «...нашему обществу не нужна философия... Может быть, это так, если иметь в виду сообщество принимающих решения... Если же мы посмотрим на дискурсивное пространство, которое рождается в виртуальной области, мы можем увидеть, что философия поразительным образом востребована. ... И это говорит о том, что... всегда есть место для философствования, не обязательно в привычных для нас формах» [12, с. 16]. Вместе с тем представители министерства и правительства нередко указывают ученым на то, что ждут от них большей активности, конкретных предложений. Вот как выразила эту мысль заместитель председателя Правительства РФ Т. А. Голикова на Общем собрании Российской академии наук 23 апреля 2019 г.: «Часто в этой аудитории, а также на заседаниях президиума РАН вы говорите о том, что Российская академия наук и ее отделения недостаточно вовлекаются в реализацию национальных проектов..., что вы готовы к такой работе... Я хотела бы обратить внимание на то обстоятельство, что не всегда следует ждать того, чтобы правительство или федеральные органы исполнительной власти обратились к вам. Вы должны проявлять инициативу в деле реализации государственных приоритетов» [13, с. 893]. Наука как один из таких приоритетов должна проектироваться самими учеными. Так, достаточно распространенной является точка зрения, согласно которой реформа Российской академии наук в 2013 году была спровоцирована бездействием самой академии в плане своей возможной модернизации, а не желанием властей жестко оптимизировать науку сразу после избрания нового президента РАН, пришедшего с программой преобразований, как считают другие. Не вставая ни на одну из сторон в этом споре и сознательно избегая вынесения окончательных оценок, замечу, что в любом случае современному ученому, а значит, и философу требуется быть не просто исследователем, но и активным организатором науки, причем на разных уровнях ее функционирования — в своей индивидуальной деятельности, в деятельности небольших исследовательских коллективов и, наконец, на уровне функционирования научных институтов. Являясь таким организатором, ученый не просто может, но обязан активно включаться в управление наукой, быть субъектом, а не объектом научной и образовательной политики, то есть решать не только организационные [8], но и задачи конструирования науки как социального и культурного проекта [14]. Выводы, получен-

ные на основании исследования отечественной университетской философской традиции, служат первым шагом на пути формирования такого проекта, а в дальнейшем и более конкретных программ развития.

Библиографический список

1. Руткевич А. М. Философия в истории высшего образования: препринт WP6/2014/02. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 52 с.
2. Пустарнаков В. Ф. Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2003. 919 с.
3. Артемьева Т. В. История метафизики в России XVIII в. СПб.: Алетейя, 1996. 320 с.
4. Введенский А. И. Судьбы философии в России. М.: Типография Товарищества И. Н. Кушкерева и К., 1898. 43 с.
5. Ильенков Э. В., Коровиков В. М. Страсти по тезисам о предмете философии 1954—1955 гг. М.: Канон+, 2016. 280 с.
6. Шлейермахер Ф. Нечаянные мысли о духе немецких университетов (с приложением об одном из них — недавно учрежденном) / пер. с нем. и вступ. ст. А. Ю. Антоновского. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018. 208 с.
7. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1997. 320 с.
8. Труфанова Е. О., Яковлева А. Ф. Социальные роли ученого: от «эскаписта» до «менеджера» // Вопросы философии. 2015. № 3. С. 72—82.
9. Романо К. Ричард Рорти и понятие *Fach* // 150 лет прагматизма. История и современность / отв. ред. И. Джохадзе. М.: Академический проект, 2019. С. 37—47.
10. Разуваева Т. А. Компетентностный подход к образованию: краткий теоретический анализ // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2010. № 1. С. 266—269.
11. Огуцов А. П. дисциплинарная структура науки: ее генезис и обоснование. М.: Наука, 1988. 256 с.
12. Подорога В. А. О чем спрашивают, когда спрашивают «что такое философия?» // Философский журнал. 2009. № 1 (2). С. 5—17.
13. Выступление заместителя председателя Правительства РФ Т. А. Голиковой // Вестник РАН. 2019. Т. 89, № 9. С. 892—894.
14. Пирожкова С. В. Наука как культурный феномен и социокультурный проект // Вестник РАН. 2020. Т. 10, № 5. С. 425—433.

References

- Rutkevich, A. M. (2014) *Filosofiya v istorii vysshego obrazovaniya* [Philosophy in the history of higher education], Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Pustarnakov, V. F. (2003) *Universitetskaya filosofiya v Rossii. Idei. Personalii. Osnovnyye tsenry* [University philosophy in Russia. Ideas. Personalities. Major centers], St. Petersburg: Izd-vo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo institute.
- Artem'yeva, T. V. (1996) *Istoriya metafiziki v Rossii XVIII v.* [History of metaphysics in Russia in the 18th century], St. Petersburg: Aleteyya.
- Vvedenskiy, A. I. (1898) *Sud'by filosofii v Rossii* [The fate of philosophy in Russia], Moscow: Tipografiya Tovarishchestva I. N. Kushkerev i K.
- Il'yenkov, E. V., Korovikov, V. M. (2016) *Strasti po tezisam o predmete filosofii 1954—1955 gg.* [Passions on theses on the subject of philosophy 1954—1955], Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya».

Schleiermacher, F. (2018) *Nechayannyye mysli o dukhe nemetskikh universitetov (s prilozheniyem ob odnom iz nikh — nedavno uchrezhdennom)* [Unexpected thoughts about the spirit of German universities (with an attachment about one of them — recently established)], M.: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya».

Rorty, R. (1997) *Filosofiya i zerkalo prirody* [Philosophy and the Mirror of Nature], Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskogo universiteta.

Trufanova, E. O., Yakovleva, A. F. (2015) Sotsial'nyye roli uchenogo: ot «eskapista» do «menedzhera» [Social roles of a scientist: from «escapist» to «manager»], *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], no. 3, pp. 72—82.

Romano, C. (2019) Richard Rorty i ponyatiye Fach [Richard Rorty and the concept of Fach], in Dzhokhadze, I. (ed.) *150 let pragmatizma. Istoriya i sovremennost'* [150 years of pragmatism. History and modernity], Moscow: Akademicheskii proyekt, pp. 37—47.

Razuvayeva, T. A. (2010) Kompetentnostnyy podkhod k obrazovaniyu: kratkiy teoreticheskiy analiz [Competence approach to education: a brief theoretical analysis], *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Bulletin of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasov], no. 1, pp. 266—269.

Ogurtsov, A. P. (1988) *Distsiplinarnaya struktura nauki: yeye genesis i obosnovaniye* [Disciplinary structure of science: its genesis and justification], Moscow: Nauka.

Podoroga, V. A. (2009) O chem sprashivayut, kogda sprashivayut «chto takoye filosofiya?» [What do they ask when they ask «what is philosophy?»], *Filosofskiy zhurnal* [Philosophy Journal], no. 1 (2), pp. 5—17.

Vystupleniye zamestitelya predsedatelya Pravitel'stva RF T. A. Golikovoy [Speech by Deputy Prime Minister of the Russian Federation T. A. Golikova], *Vestnik RAN* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2019, vol. 89, no. 9, pp. 892—894.

Pirozhkova, S. V. (2020) Nauka kak kul'turnyy fenomen i sotsiokul'turnyy proyekt [Science as a cultural phenomenon and socio-cultural project], *Vestnik RAN* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], vol. 10, no. 5, pp. 425—433.

Статья поступила в редакцию 1.11.2020 г.

Сведения об авторе

Пирождкова Софья Владиславовна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии РАН, г. Москва, Россия, pirozhkovasophia@mail.ru

Information about the author

Pirozhkova Sofya Vladislavovna — Cand. Sc. (Philosophy), Senior Research Fellow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, pirozhkovasophia@mail.ru